

МАРЬЯНА КУПРИЯНОВА

ЗАБЕГ

НА НЕВИДИМЫЕ
ДИСТАНЦИИ

ТОМ 2

**LIKE
BOOK**
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 82(2Рос=Рус)6-44
К92

Художественное оформление *А. Андреева*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация

© Bodega / Shutterstock.com.

Используется по лицензии от Shutterstock.com.

Коллаж на обложке *Максима Костенко*

В коллаже использована фотография:

© manfredxy / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Куприянова, Марьяна.
К92 Забег на невидимые дистанции. Том 2 / Марьяна Куприянова. — Москва : Эксмо, 2025. — 576 с.

ISBN 978-5-04-211328-4

Йен Флинн был подростком, когда его младшая сестра бесследно исчезла в парке аттракционов, переполненном другими детьми. Это его вина, и он до сих пор одержим идеей восстановить справедливость. В попытках переиграть прошлое Йен готов отбросить не только человечность, но и привычные законы физики. Что случится, когда его действия затронут тех, кто был там в тот вечер много лет назад?

УДК 821.161.1-31

ББК 82(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211328-4

© Куприянова М., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2025

Episode 5

— ПРОШЛОЕ СУЩЕСТВУЕТ, ПОТОМУ ЧТО у людей есть память, будущее — потому что у людей есть воображение. Но это понятия для облегчения нашего субъективного восприятия, и не более того.

Я имею в виду, по факту существует только настоящий момент, в который все и происходит. Не отрезок хронологии слева направо, на котором мы где-то посередине, а точка, одна точка, замкнутая на себе и пульсирующая. И все, что происходит, происходит именно в текущий момент времени, который бесконечно ускользает из так называемого будущего в так называемое прошлое. Которых на самом деле нет. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

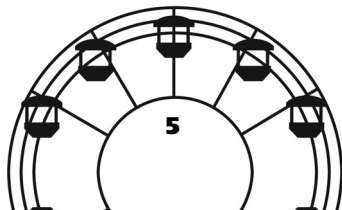
— Кажется. А как же СТО¹?

— А что СТО? Она только подтверждает субъективность времени, течение которого зависит больше от восприятия. Время не абсолютно, это научно доказанный факт, а относительно, и относится оно к человеку, который его измеряет. Чистая физика, столетней давности причем.

Время относительно, потому что завязано на потребности перемещения, преодоления расстояний. Если бы во вселенной не осталось ни одной движущейся вещи, вплоть до вращения электрона вокруг своего спина², время бы просто исчезло. Тем самым очевидно, что

¹ Специальная теория относительности, которая появилась раньше Общей теории относительности (является ее частью) и рассматривает физические процессы равномерно движущихся объектов (без ускорений).

² С п и н — собственный момент количества движения элементарной частицы, имеющий квантовую природу и не связанный с ее перемещением в пространстве как целого.

его и так нет. Оно как побочный эффект, не знаю. Возникает путем взаимодействия сознания и пространства. Понимаешь?

Если уничтожить все в мире часы, для каждого человека время потечет по-разному. У кого-то пройдет год, а у кого-то — за тот же промежуток — полтора года. А если человек лишается памяти или заперт где-нибудь долгое время без часов и календаря, без окна, чтобы видеть небо, без звуков, чтобы по ним вести какой-нибудь отчет... он тебе в жизни не скажет, какой сейчас год, месяц и час.

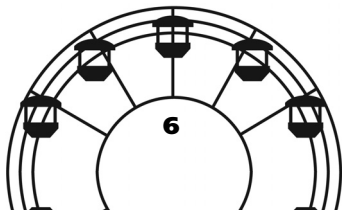
Чуешь, как раз за разом все упирается в наш мозг и созданные им приборы фиксации? Все как обычно упирается в *эффект наблюдателя*. Что еще раз говорит о том, что время не абсолютно и не едино для всех. Ты же сам прекрасно знаешь, что в космосе, на больших скоростях, время течет не так, как на Земле. А близко к скорости света там вообще начинается [pizdets].

— Знаю. Мне это просто голову взрывает. Такое ощущение, что вся человеческая наука — просто многовековое исследование чьего-то сложнейшего программного кода, написанного для существования абсолютно всего в мире и функционирования самого мира.

— Так вот, а я тебе о чем? Вплоть до последнего кварка. И везде свои ограничения. Мельчайшая неделимая частица, мельчайшая порция энергии, скорость света... Черные дыры! И таймлайн предусмотрен. Виртуальный, естественно. И как бы банально и заезженно ни звучало, течение времени — всего лишь иллюзия. Потому что объективно его просто нет, лишь представление о нем. Понятие вместо объекта.

— Я где-то читал о племенах, у которых в языке существует только настоящее время. А язык, как правило, отражение мышления. То есть в их ментальности вчерашнего дня тупо не существует. Как и завтрашнего. Их реальность не строится на том, что было когда-то или будет когда-то. Понятие возраста им неизвестно, счет прожитых лет не ведется за ненадобностью. Они живут в тот миг, в котором находятся, в котором думают мысль и осознают себя. Накапливая опыт и знания, разумеется, как без этого. Память некуда девать, как ни парадоксально. Но у них есть только сегодняшний день и текущий миг, это и есть жизнь.

— Челы реально поняли суть даже без наших технологий. Вот, спрашивается, и на хрена нам они тогда? К разгадкам мы точно

не приблизились, просто мелкие плюшки получили типа лекарств и телика.

— А как же машина времени? О ней столько фантастов писали и говорили. А ведь их предсказания часто сбываются в будущем. Даже слишком часто. Кучу вещей, придуманных Чапеком, Верном, Уэллсом, Кларком и Беллами¹, мы теперь используем ежедневно.

— Слушай. Помнишь у Хокинга про стрелу времени? Разбитые кружки никогда не прыгнут обратно на стол собранными. Разложившиеся тела не вернутся к исходному виду и не оживут. Это нарушение термодинамики, то есть частного программного кода, одного из условно существующих для регулирования законов физики. Машина времени логически невозможна вне зависимости от уровня технологий, а исходя из свойств самого времени. Нельзя повернуть его вспять, потому что нельзя управлять тем, что по большому счету выдуманно для удобства.

— А если выяснится, что течение времени осуществляется благодаря элементарным частицам, о которых мы еще не знаем?

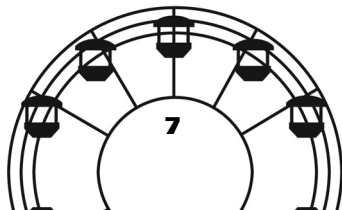
— Ага, тахионов. Как в том идиотском фильме...

— Не, я серьезно.

— Я тоже. Я серьезно склоняюсь к нелинейной концепции времени, которая, по сути, обратна эффекту бабочки. Потому что исключает путешествия туда и назад, как и какое-либо влияние от них. Существует только «сейчас», все остальное — абстракция мышления. Это «сейчас» включает в себя и то, что только что случилось, и то, что было миллион лет назад. Точнее, не включает в себя, а является им же. Пойми, нет какой-то шкалы, где эпизоды выстроены по очереди, нет ее нигде, кроме нашей головы.

Это даже нелепо, если задуматься поглубже — быть уверенным, будто Вселенная подчиняется восприятию времени организмов, которые, вдумайся, возникли спустя миллиарды лет после ее собственного зарождения, а все, что происходит в ее непостижимых величинах, аккуратненько выстраивается по секундам, минутам и часам. Как бусинки на нитке. Нет, я в это просто отказываюсь верить. Лю-

¹ Карел Чапек предсказал существование роботов, Жюль Верн — вертолетов и подводных лодок, Герберт Уэллс — лазера, Артур Кларк — спутников связи, Эдвард Беллами — банковских карт.

бой момент прошлого и любой момент будущего происходят единомомментно, одновременно с настоящим, они сходятся в одной точке, понимаешь? Они синхронны и не разбросаны по какой-то там хронологии в определенной последовательности.

Они ненадолго замолчали, прислушиваясь к шуму двигателя.

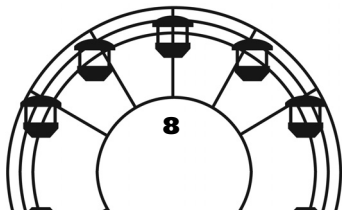
— А помнишь, в каком-то фильме говорилось, что свое прошлое невозможно изменить, даже если в него вернешься? Типа, как только ты туда попадаешь, оно становится твоим настоящим, а будущее, из которого ты пришел, становится прошлым.

— Так бы, наверное, и было, если бы вернуться в прошлое было возможно физически. Как, например, вернуться в город, где родился и вырос. Или в комнату, из которой только что пришел. Но люди переносят свойства пространства на свойства времени. Путают их между собой. Поэтому так и происходит. А время ведь просто... ну, не знаю, виртуальный придаток к пространству. Как если бежишь марафон, обязательно натрешь мозоль. Что-то в этом роде.

— Я сейчас задумался, откуда пошла мода на путешествия во времени. Столько фантастических фильмов, столько книг на эту тему. Может быть, тысячи. Особенно про временные петли. Почему мозг так жаждет познать об этом как можно больше? Ему все время мало. Неужели он ищет действительные пути вернуться в прошлое и заново что-то пережить, исправить? Ищет лазейки и подсказки, любую информацию об этом, испытывает эйфорию от углубления в эту тему. С чем это может быть связано, как ты считаешь? Мне кажется, это какие-то заблокированные воспоминания из детства, какие-то фантомные травмы разговаривают с нами, вызывают ностальгию и мысленное желание возвращения в прошлое. Чтобы либо заново прожить какой-то момент, либо, что вероятнее, исправить его. Или избежать...

Сет задремал еще на моменте про абстракцию, поэтому последних реплик почти не слышал. Ровный тихий голос Нины убаюкивал его, особенно вкуче с мерным гудением двигателя и покачиванием салона школьного автобуса.

В процессе совместного обучения выяснилось, что, помимо того, что смех девчонки поднимал ему настроение, ее тембр успокаивающе действовал на нервную систему. Поэтому в последнее время Сет Ридли садился прямо позади Нины, прислонял голову к оконной раме и прикрывал глаза.

Он очень смутно понимал, о чем они с Отто всякий раз препираются, но всегда прислушивался к этим спорам, как к приятному эфиру, способному вытеснить шум собственных мыслей.

Чем меньше звучало понятных слов, тем быстрее тяжелели веки. Задремывать под такую колыбельную было приятно — ехали они на уроки или с уроков, значения не имело.

Слишком бодрая для раннего утра, Нина что-то доказывала блондину, а тот слабо протестовал, с каждым новым ее выступлением вроде бы теряя уверенность в своей правоте. Девчонка явно была лучше осведомлена по теме, и это уже не казалось сколько-нибудь странным. Скорее естественным.

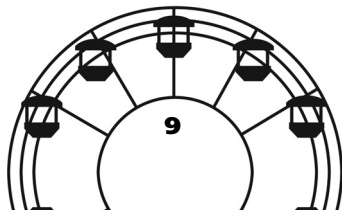
Далеко не в первый раз Сет становился свидетелем того, как Нина деловито раскладывает по полочкам какую-нибудь сложную тему. Она занималась этим не только на уроках у Йорскиллсона, но и в столовой, стоя в очереди и общаясь с Отто. Ридли старался становиться за ними, чтобы тоже послушать. Иногда к диалогам подключался кто-нибудь еще. Но мнение Нины всегда оставалось своего рода авторитетным, хотя вслух это никто не подтверждал.

Сейчас они, кажется, говорили насчет того, что время течет неодинаково и вообще ненадежная субстанция. Наверное, репетировали новую отмазку для учителя, когда снова опоздают на урок. Подумав об этом, Сет улыбнулся с закрытыми глазами. Даже жалко, что никто не знает, какое у него отличное чувство юмора.

Диалог затих, но в сон продолжало клонить уже по инерции. До школы оставалось минут пятнадцать со всеми остановками (водитель делал круг по рассветавшему Мидлбери), и нужно было что-нибудь предпринять, чтобы расшевелиться, стряхнуть сковавшую тело сладкую негу. Сидящие впереди тоже, кажется, задремали, по привычке прислонив друг к другу головы. В автобусе разговаривали всего несколько человек. Все были сонные из-за пасмурной погоды.

Сет поправил шапку, вытащил мобильник из нагрудного кармана куртки и разблокировал, надеясь, что в этом прямоугольном механизме что-нибудь сумеет его взбудить.

Пальцы пробежались по клавишам, открывая социальную сеть на странице определенного человека. Минимум информации, профиль почти пуст. Даже день рождения не указан. И всего одна фотография. В хоккейной форме, на льду, с клюшкой за шеей на манер биты.

«Пользователь был в Сети три дня назад».

Этот профиль Сет посещал последнюю неделю или около того. Но никогда не делал этого в школе или школьном автобусе, опасаясь, что кто-нибудь случайно заметит и не так поймет, растрезвонит преувеличенные сплетни. Ему не хотелось, чтобы этого человека коснулась подобная грязь по его неосторожности.

Всякий раз кончалось тем, что Сет просматривал каждый пиксель ее странички, выученный наизусть, и выходил из Сети. Писать он не решался, хотя желание было. И поводы тоже. Спросить домашку. Попросить совета в чем-нибудь, пользуясь статусом новенького (хотя какой ты к черту новенький спустя почти два месяца?). На худой конец молча добавиться в друзья.

Он знал, что если сделает это, никакой катастрофы не случится. Нина не станет трепаться об этом или хвастаться обретенной привилегией. «Сам Ридли добавился ко мне в друзья». Ну, конечно. Будто ей до этого дело есть. Она онлайн-то бывает редко, даже не сразу увидит его запрос. Как и множество других запросов, скорее всего.

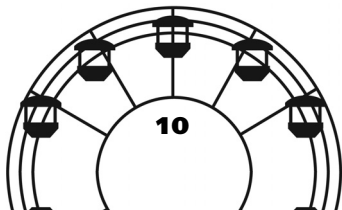
Судя по сложившемуся впечатлению, Дженовезе даже входящие сообщения не разгребает. Наверное, она общается там только с Отто, а остальных игнорирует, предпочитая живой диалог.

Даже иронично, что Сет сидит сейчас прямо у нее за спиной и держит в руке телефон с ее открытым профилем в соцсети, раздумывая, что бы он мог ей написать, чтобы завязать общение, но в который раз не решается этого сделать. Просто не хватает духу. Как какому-то нерешительному мальчишке. Даже смешно.

И о чем он мог бы ее спросить?

Вообще-то Сет слышал кое-что интересное. О Нине сплетничали редко, тихо и постоянно оглядываясь, из чего проистекал единственно верный вывод — ее побаивались. И причина этой боязни наверняка таилась где-нибудь в далеком прошлом, когда ученики старшей школы Мидлбери стали свидетелями некоего пугающего поступка Нины, который больше никогда не обсуждали.

Непреднамеренно подслушанная информация давала Сету неплохую базу для опросника, как и почву для размышлений. Дело в том, уместно ли в его статусе задавать ей вопросы, и к чему это может привести.

Он мог бы поинтересоваться, например, за что им с Отто сделали строгий выговор на прошлой неделе, когда директор влетел в класс посреди контрольной по математике, чтобы поднять и при всех отчитать неразлучный дуэт. Да такими словами, что они зарделись, испуганно переглядываясь. Очевидно, Йорскиллсон не должен был узнать о том, о чем все-таки узнал.

В тот день в столовой Сет услышал, что им «ничего не будет», потому что «у Нины слишком властный покровитель», она, видите ли, «спуталась с легавым», и «лучше ее не трогать». Звучало интересно, хотя и показалось слабо правдоподобным.

Хотелось бы узнать, что за всесильный защитник может быть у такой, как Нина. Она не похожа на тех девушек, которые находят себе «папика». Она в принципе не похожа на девушку, у которой есть парень. А этот, судя по всему, имеет еще и какое-то отношение к полиции. Самое удивительное, что ни с кем, кроме Отто, он Нину ни разу не видел за эти два месяца.

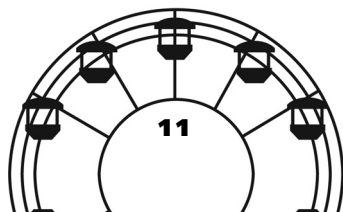
Еще ему хотелось спросить, откуда на ее теле все эти синяки, которые она спокойно демонстрирует, и почему всем на это плевать, включая учителей. Не может же это быть связано только с хоккеем, где игрок не должен постоянно калечиться, потому что в форме есть защитные элементы. Было что-то еще.

И вообще, как она попала в хоккей? Зачем? Интересовалась ли другими командами, например, из соседних городов? Слышала что-нибудь о «Лиловых Драконах» и той трагедии? Как давно играет и почему любит этот спорт?

Как так вышло, что ее фотографии висят и на доске позора, и на доске почета? Как так вышло, что они с Отто превосходно разбираются в научных темах, почему вообще интересуются этим, и каким образом это вяжется с деятельностью, которую они ведут во внеучебное время?

Как так вышло, что директор души в них не чает, болтает с ними после уроков и всегда помогает, но как только они что-нибудь учудят, вся его мягкость мгновенно улетучивается, и он устраивает им взбучку, как родным детям, а не как чужим. Невооруженным глазом видно, что Йорскиллсон обожает их, потому и спрос с них выше, чем с остальных учеников.

И что же такого сделала Нина, что родная сестра лучшего друга ненавидит ее каждой клеточкой тела?

Все эти темы можно было использовать как завязку для диалога, если бы Сету хватило смелости его начать. Но вместо этого Ридли открыл фотографию Нины во весь экран и, следуя нелепому импульсу, выбрал опцию «скачать изображение».

К шестнадцати у Ханны Биллингсли накопился богатый опыт взаимодействия с противоположным полом. Она брала разные вершины и считала, что неплохо разбирается в парнях, может даже классифицировать их по собственным параметрам.

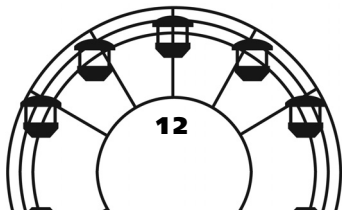
Пока ее чувства к Сету Ридли развивались и крепили, набирая небывалые обороты, девушка неосознанно сравнивала его с парнями, которые нравились ей раньше, и приходила к выводу, что до этого момента никто не совпадал с ее вкусом так идеально, как новенький. Даже те редкие экземпляры, что заставили ее страдать от безответного интереса.

Бывают парни, которые специально понижают голос, чтобы казаться старше и мужественнее. Сет в этом не нуждался. Его голос всегда был одинаково низким и слегка угрожающим. В любой ситуации. Судя по телосложению, поведению и многим прочим деталям, его тестостерон находился на невероятном уровне. Многих это отталкивало, ведь Ридли не привык смягчать свои острые углы ради комфорта окружающих. Меньше всего он стремился быть удобным.

Ему не требовалось напускать на себя дополнительный флер мужественности или природной опасности — это и было его естественное состояние. Всегда готов к атаке.

Но в то же время Ханна наблюдала за ним достаточно много, чтобы заметить кое-что еще. Грустно-наивный взгляд Сета, когда он задумывался о чем-то слишком глубоко и не контролировал уровень визуальной агрессии, выдавал в нем персону мечтательную и даже травмированную. А то, с какой поспешностью он возвращал себе панцирь в виде тяжелого взгляда и отталкивающей позы, лишь подчеркивало, что Сет притворяется говнюком, чтобы никто к нему не приближался и не смел заметить его слабости.

В учебе он показал себя молчаливым, рассудительным и далеко не глупым, хотя довольно ленивым. Время от времени он прогугли-

вал занятия, но не чаще, чем все, а долги сдавал вовремя. Учителя не вступали с ним в конфликты и под молчаливое согласие окружающих делали ему поблажки. Наверное, до сих пор побаивались его.

У педколлектива к нему установилось особое отношение. Сет оплачивал тем же. С учителями он старался вести себя сдержанно и по возможности уважительно. Если не считать Уиттрока, который с ним все время пререкался, продолжая уговаривать вступить в сборную школы по хоккею (или хотя бы по регби).

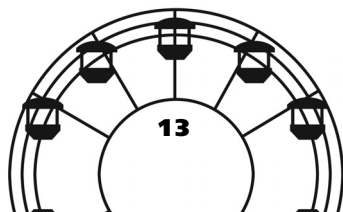
Их споры длились уже так давно и так безрезультатно, что превратились в ту самую надоедливую школьную драму, которой никто не удивляется, а через месяц-другой вообще забудут, откуда ноги растут. Каждую среду происходило одно и то же. Всем приелось это слушать, и даже Сету надоело злиться, но тренер назойливо продолжал гнуть свою линию. Планировал взять измором. Ридли лениво отругивался, повторяя одни и те же отказы каждый божий раз. Он тоже стоял на своем. Максимум скалился, но из себя не выходил.

Огромное удовольствие доставляло просто наблюдать за тем, как он двигается в своей обыденной жизни. Как расставляет ноги, когда сидит, как поворачивает голову, провожая кого-нибудь взглядом, как поправляет на себе одежду или убирает волосы со лба, разминает шею или закидывает ногу на ногу; как двигаются его руки, могучие плечи и крепкая шея, когда он снимает и надевает плащ; угадывать, как переливаются мышцы под одеждой, когда он меняет позу, улавливать множество мелких, неосознанных прикосновений Сета к своему телу.

Ханна выучила, что он поглаживает выпуклую грудь кончиками пальцев, когда задумается, кладет ладонь на подпрыгивающее колено, когда чего-нибудь ждет, потирает переносицу, когда вспоминает что-то, смыкает ладони на затылке и запрокидывает голову, когда устал, скрещивает руки на груди, когда хочет сосредоточиться, и вены отчетливо проступают на них.

Ридли, конечно, не догадывался о произвольной сексуальности собственных движений. Однако незнание не освобождает от ответственности. Обыкновенное вздрагивание пальца на его руке, спокойной лежащей на столе, могло вызвать сладкую оторопь.

И, блядь, эти волосы на груди, едва заметные из-под одежды с вырезом. А на физкультуре, когда он остается в белой майке без ру-

кавов, видно больше, чем можно желать. Ханна жаждала момента, когда весна станет теплой, и Сету придется надолго отказаться от свитеров и водолазок.

Тело Сета сводило ее с ума. Он как будто напрашивался на домогательства, и Ханна готова была их организовать. Раньше ей не попадался кто-то, из-за кого можно потерять контроль над своими действиями, а теперь она, кажется, начинала понимать мужчин, у которых не получается держать себя в руках. Сет буквально вскружил ей голову.

Ханна стремилась провести с ним больше времени, делая это незаметно. Никаких открытых попыток сближения она больше не предпринимала, вместо этого отступила, осторожничая, чтобы наблюдать, собирать информацию и ждать. Но Сет, скорее всего, до сих пор не запомнил, как ее зовут, потому что ему все равно. А бездействие с ее стороны усугубляло его безразличие.

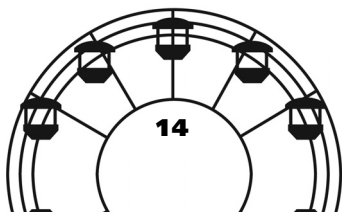
Но в этом затишье был и плюс — все успели забыть, что она когда-то пыталась подсесть к нему на фудкорте, и теперь никто не догадывался, что она испытывает к Сету чувства. Никто, кроме брата, которому все было ясно с первого взгляда.

Отто слишком хорошо знал свою сестру, чтобы поверить, будто ей стало плевать на парня, который недавно понравился. Причем настолько, что она *сама* сделала первый шаг. Но он молчал об этом, зная, что навредит сестре, если кому-то расскажет свои наблюдения. А с Ниной они не касались подобных тем.

Возможно, никто во всей школе этого не замечал, но Ханна видела, потому что следила за Сетом практически неотрывно. Видела, куда он иногда бросает беглые взгляды. Сначала она не могла понять, на кого же он смотрит, ведь по направлению его взгляда не было абсолютно ни одной симпатичной сучки. А потом догадалась, и ее насквозь прошел озноб.

Жизнь издевалась над нею, как в гребаном шоу «сколько говна ты выдержишь». Это было уже слишком. Во всей, блядь, школе, он выбрал смотреть именно на ту, ненавидеть которую у Ханны и так было достаточно причин. Но теперь появилась еще одна.

Отчаявшись, Ханна возобновила провокации из жгучего желания насолить, напакостить, отомстить. Но Дженевезе реагировала на удивление спокойно и на конфликт не шла, потому что уже долгое

время занималась с психологом в полицейском участке. За это Ханна возненавидела ее еще сильнее.

Шизанутая психичка.

И это *ею* заинтересован сам Сет Ридли, на которого готова запрыгнуть любая старшеклассница, стоит ему сесть, расставив ноги, и поманить пальцем? Да вы серьезно? Нет, это не должно быть реальностью. Слишком убого, чтобы быть правдой.

Может быть, он наблюдает за нею, потому что она странная. Потому что привлекает к себе внимание, шумно себя ведет или кого-то ему напоминает. Или вообще раздражает его. Необязательно испытывать симпатию к человеку, на которого иногда смотришь. Тем более что никаких особенных эмоций в этих коротких взглядах Ханна, к своему облегчению, не замечала. Но их количество заставляло сомневаться.

К сожалению, догадки превратились в убеждение, когда однажды утром в школьном автобусе Ханна, по привычке наблюдавшая за Сетом из соседнего ряда, заметила экран его мобильного. Она всегда садилась чуть позади, чтобы не попадаться ему на глаза, но видеть его самого, а точнее — часть ног, часть рук и телефон, если он его доставал. Обычно Сет слушал музыку через старенький плеер, а телефон убирал подальше.

Сейчас пиксели отчетливо сложились в фотографию сраной Нины, которую он скачал из ее профиля в Сети, и теперь пялился на нее, держа большие пальцы над экраном, если придется быстро закрыть изображение.

Но в его случае было поздно.

Сет Ридли, ты был слишком неосторожен. В твоем положении это так непозволительно.

Только что опустившиеся уголки губ Ханны растянулись в улыбку предвкушения, а сердце, пропустившее удар от увиденного, снова заколотилось.

Она поднялась со своего места, уже ничего не опасаясь, и плюхнулась на сиденье рядом с Ридли. Тот вскинул голову и, как показалось Ханне, едва заметно вздрогнул. Тон его кожи напоминал молочный ликер, до того парень был бледен. Глаза неподвижно обратились к гостю двумя черными дырами, неведомой силой стиснутыми в точки. Мобильник Сет держал в кулаке экраном вниз, придавив к ноге выше колена.

